

18+

МЛЮЩА

ЗАПИСКИ

ВЗРОСЛОГО

РЕБЁНКА

Герман Буфетов

Герман Буфетов

**Илюша. Записки
взрослого ребёнка**

«Издательские решения»

Буфетов Г.

Илюша. Записки взрослого ребёнка / Г. Буфетов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512415-9

Короткие рассказы о приключениях четырёхлетнего Илюши. Повествование ведётся от лица Илюши и демонстрирует уникальный, детский взгляд на окружающий мир со всеми его сложностями. Книга для детей, которые неожиданно стали родителями. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-512415-9

© Буфетов Г.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ПРЕСТУПНИК	7
КРИЗИС	10
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	12
ЯБЛОКИ	14
СМЕРТЬ БАБУШКИ	17
ПОДЛАЯ КАКАШКА	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Илюша

Записки взрослого ребёнка

Герман Буфетов

© Герман Буфетов, 2020

ISBN 978-5-0051-2415-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Здравствуйтесь. Меня зовут Илюша. Мне четыре года. Я уже знаю три буквы: А и Б, и могу показывать на пальчиках сколько мне лет. Квартира у нас очень большая – в ней можно играть в прятки или просто бегать. Кататься по квартире на велосипеде мне мама запрещает, потому что я всегда что-то разбиваю, но я иногда катаюсь, когда мама на работе.

У меня есть своя комната, в которой мне можно рисовать фломастерами на обоях, но только под кроватью или за занавесками, там, где мама сразу не увидит. У бабушки тоже есть своя комната, она там живёт. А вот папе с мамой приходится спать в одной комнате. Папе это нравится, а маме – нет. Она говорит, что папа весь диван пролежал и всё время заставляет его что-то делать, а папе не хочется и поэтому он всё время спит, читает газеты или смотрит телевизор.

А ещё у нас есть дача. Там скучно. На даче меня всегда заставляют собирать ягоды и ругают за всё подряд. Однажды я там чуть не умер. Я ел яблоко и случайно проглотил червяка. Наш сосед дядя Жора сказал, что теперь я умру и почему-то засмеялся. Мама сказала, что он дурак и червяков есть можно. Папа сказал, что червяков он никогда не ел, но от них точно не умирают. Только потом, уже вечером, мама без причины очень разозлилась и два раза ударила меня по попе за то, что я положил дождевых червяков в кастрюлю с только что сваренным супом. А я просто хотел, чтобы папа тоже червяков попробовал.

У папы есть гараж и мотоцикл с коляской. Иногда мотоцикл заводится, и мы можем вместе куда-нибудь поехать, например в лес или на дачу. Мама и папа работают на заводе. Я не знаю, что они там делают. Я хожу в садик, а бабушка ничего не делает, она просто живёт.

Город у нас очень большой и красивый. Называется он «Срань господня». Так его называли мамы подружки, которые приезжали к ней в гости из Москвы. Они уговаривали её бросить всё и уехать с ними, но маме нравится наш город, нравится каждый день ходить на завод, ругать меня, папу и «эту ёбаную жизнь», поэтому она до сих пор никуда не уехала.

Какой сейчас год я тоже не знаю. Мама сказала, что я ещё маленький и узнаю об этом когда пойду в школу, и что меня там ещё и не тому научат, особенно если я буду дружиться с Лёшкой с пятого этажа, который к первому классу непременно должен стать алкоголиком, как его отец. Когда я спросил у Лёшкиного отца кто такие алкоголики, он ответил, что это очень хорошие люди. Так что мне очень повезёт, если я буду учиться в школе с такими хорошими людьми как Лёшка.

У меня много друзей в садике и во дворе: Лёшка и Андрюшка с пятого этажа, Колька и Володька из второго подъезда, Светка, Ленка, Виталик, Ромелька – всех не перечислишь! Со многими из них я хожу в садик, с другими играю во дворе. Моя жизнь состоит из сплошных приключений. Я пытался рассказать о них маме, но она всё время занята, бабушка глухая и ничего не понимает, а папе это просто неинтересно.

Тогда я решил записывать свои истории как могу, чтобы потом, когда я стану взрослым алкоголиком, я смог бы написать самую настоящую книжку о себе и своих друзьях. К тому времени папа и мама будут старенькими, им будет скучно, они прочитают мою книжку и наконец-то узнают, какая у меня интересная жизнь.

ПРЕСТУПНИК

В нашем дворе опять копают канаву. Нет ничего прекраснее вида работающего экскаватора! А гора земли, глубокая яма с ржавыми трубами и грязной лужей на дне? Это же самое невероятное приключение в нашей жизни! Там всегда можно украсть карбид и сделать настоящую бомбу, набрать стальных прутиков для электросварки и даже иногда посидеть за рулём настоящего экскаватора! Правда, руль экскаваторщик всегда забирал домой, поэтому поехать на экскаваторе нам никогда не удавалось.

Пока возле ямы крутились рабочие, мы поиграли в войнушку за гаражами. Я трижды убил Кольку, но тот каждый раз отказывался умирать, уверяя меня, что его новенький автомат на батарейках даёт ему бессмертие, что он такое в кино сто раз видел и что мой деревянный пистолет годится только немцев по телевизору отстреливать. Что бы он там себе ни думал, я на всякий случай пристрелил его ещё раз, и мы пошли собирать гусениц. К вечеру мы успели скормить муравьям трёх жирных гусениц, сделать свистульки из листьев, загнать пришедшего кота на верхушку дерева и пообедать. Рабочие наконец-то ушли, и канава оказалась в нашем полном и безраздельном владении.

Гора рыжей земли олицетворяла бесконечность нашей вселенной. В этой горе можно было рыться целыми днями напролёт. Там можно было найти всё на свете: разноцветные стекляшки, блестящие на солнце камешки, ржавый навесной замок, ключи, а Лёшка однажды нашёл там сплюснутый гвоздь и сделал из него классный меч для своих солдатиков. В этот раз возле ямы нас поджидало настоящее сокровище: старая коляска. Точнее, то, что от неё осталось – сам короб без колёс, с откидывающимся верхом. Мы его тут же затащили на самый верх кучи земли и уже приготовились сбросить вниз, как вдруг Володьку осенила замечательная идея. Он забрался в коляску, натянул над головой откидывающийся верх и весело хохотал, когда мы пытались сбросить его в яму.

То ли Володька был слишком тяжёлый, то ли короб зацепился за что-то, но скинуть Володьку в яму у нас не получалось. Его брат Колька разозлился и кинул в короб кусок земли. Володьку это привело в неописуемый восторг.

– Ещё! – брызгая слюной кричал он из коляски.

Нам это тоже понравилось. Мы отошли на несколько шагов под гору и принялись бросать в коляску чем попало: землёй, палками, мелкими камешками. Володька просто пищал от восторга. Мне показалось неинтересным кидаться мелкими камешками, и я откопал себе огромный булыжник. Я размахнулся и прицелился.

– Пацаны, смотрите что сейчас будет!

Пацаны замерли в немом восторге, и я бросил камень в цель. Проблема в том, что Володьке тоже стало интересно, что же сейчас будет, и он высунул свою улыбающуюся рожицу из короба в тот самый миг, когда мой камень в эту цель попал.

Булыжник и улыбающаяся рожица встретились.

Володькин рёв я не забуду до конца жизни.

На глазах изумленных зрителей булыжник, рожица и коляска исчезли за горизонтом кучи и судя по звукам приземлились в лужу на дне ямы. Рёв замолк на мгновение, а когда он возник вновь, мы уже неслись что есть духу в сторону гаражей.

До вечера я прятался в кустах акации. Скорая помощь приехала очень быстро и одновременно с милицией. В этот момент я понял, что папа уже снял ремень с гвоздя. Потом скорая также быстро уехала, а милицейская машина стояла возле второго подъезда ещё очень долго. Я устал нервничать и уже смирился с мыслью что папа сидит возле двери с ремнем наготове и только ждёт того момента как я войду. В сумерках прибежал Колька, принес мне бутерброд

с котлетой. Котлета была холодной, а хлеб мокрым. В обычных обстоятельствах я бы к этой гадости даже не притронулся бы, но сейчас бутерброд съелся сам собой.

– Ну, что там? Что говорит Серый? – Серый был старшим братом Кольки и Володьки, он был совсем уже взрослым, долго жил в лесу и только недавно вернулся, как он сам говорил: «откинулся».

– Пиздец Илюше! – закрыв глаза продекламировал Колька.

– Это хорошо или плохо? А еще что сказал?

– За Володьку упекут на три года зону топтать.

В голове лихорадочно крутились разные мысли. Что такое «пиздец» было непонятно, возможно это даже что-то хорошее. Конечно, хуже, чем ремень, но звучало красиво и обнадеживающе. «Зона» – это квадратик, который мы рисовали мелом на асфальте когда играли в «банки». В центре квадратика стоял кирпич, на который ставились пустые банки из-под консервов. Так, мне четыре года, значит «три года зону топтать» звучало совсем хорошо, только если ремнём бить не будут. Это значит, что следующим летом меня не будут возить на дачу и заставляя собирать ягоды. Буду сидеть во дворе на кирпичике, все пацаны под боком и даже поиграть наверняка можно будет. «Упекут» – тоже непонятно. Мама с бабушкой пекут пироги в духовке, на большом чёрном противне. Возможно, меня ненадолго засунут в духовку, а потом на противне отнесут на зону. Неплохо, неплохо. Лишь бы ремнём не били.

– А ещё Серый говорил что-нибудь?

– Говорил, говорил, сейчас....

– Ну?

– Падлой буду!

– И всё?

– Всё.

Возможно, Серый имел в виду, что именно он будет совать меня в духовку, а потом отнести на зону. Если он будет заставляя меня топтать банки – я откажусь сразу. Не хочу обижать маму. Просто сяду на асфальт и ничего топтать больше не буду. В прошлом месяце мы с пацанами топтали банки на помойке, и я порвал свои сандалии. Мама на меня дулась целую неделю, а потом в отместку купила мне сандалии не голубенького цвета как я хотел, а серые с бантиком. Я этот бантик потом два дня стёклышком выковыривал, чтоб дворовые пацаны не запозорили.

Колька достал горсть семечек, и мы молча сгрызли их, задумчиво глядя на погружающийся в ночь двор нашего дома. Когда совсем стемнело, пришлось идти домой. Дома было подозрительно тихо. Папа спал у работающего телевизора, мама гремела посудой на кухне. Я на секунду заглянул на кухню, чтоб мама меня потом не искала, но она даже не обратила на меня внимания. Я скрылся в своей комнате, быстро разделся и лёг в кровать. Кажется пронесло. Сегодня меня бить не будут.

Утром как ни в чём ни бывало мама отвела меня в садик и ушла на работу. Володька ходил в мою группу и к моему приходу был уже там. Половина его головы была замотана белоснежным бинтом. Володька не хихикал и даже не улыбался. Я боялся к нему подойти. Мне казалось, что если я до него дотронусь, то обязательно заражусь, моя голова разобьётся сама по себе, меня отвезут в больницу и заматают бинтами по самые глаза, ещё больше, чем Володьку, потому что именно из-за меня он стал заразным. От тяжких мыслей меня отвлекла нянечка. Она взяла меня за руку и отвела к заведующей.

– Это ты Володе голову разбил? Ты понимаешь, что ты теперь малолетний преступник? – строго спросила заведующая.

Я кивнул, не поднимая головы.

– Ты знаешь, что тебе за это будет?

– Пиздец? – с надеждой в голосе спросил я.

Заведующая и нянечка переглянулись и почему-то рассмеялись.

Пиздец оказался не таким уж страшным – меня поставили в угол до обеда. Это вам не три года зону топтать! После обеда мы как-то само собой стали с Володькой вместе играть, он оказался совсем не заразным. Правда, после полдника кто-то из девчонок сказал, что под такими бинтами червяки живут, и нам пришлось снимать повязку с его головы. Червяков там не оказалось, зато из раны потекло много крови и Володьку снова увезли в больницу. Мама забрала меня рано. Следующий день был субботой, меня увезли на дачу и мама так никогда и не узнала, что я преступник.

КРИЗИС

Во дворе никто не гулял, телевизор был запрещён, делать было нечего. Я спрыгнул с подоконника и пошел на кухню к маме, чтобы узнать, вдруг она приготовила что-нибудь вкусненькое. В кухне я увидел холодильник и подумал, что давно не ел мороженого. Мама ничего не готовила, сидела у окна и молча смотрела в одну точку.

– Мамуля, почему ты такая грустная?.

– Кризис. Теперь у нас нет денег. Теперь ни у кого не будет денег.

– А можно тогда я куплю себе мороженого?

Мама горько вздохнула и насыпала в мой кулачок мелочи. Я побежал на третий этаж к Ленке. Ленка была толстая и иногда вредная, но она была на полгода старше меня, умела считать до десяти и покупать конфеты не поштучно, а на развес. Дверь открыл её папа дядя Серёжа. Он громко разговаривал с кем-то невидимым на кухне и, судя по всему, разговор шёл о кризисе.

– ...И что теперь? Денег нет и босый хуй в итоге. Так. А тебе чего? Ааааа, понял. Ленусик, к тебе пришли!

Ленка недоверчиво прислонилась к косяку и как бы между делом продемонстрировала новенький чупа-чупс в кармане сарафанчика. Я усмехнулся, разжал кулачок и показал ей мелочь.

– Пошли за мороженым!

– А нам хватит?

– Не знаю. Мама говорит, что теперь ни у кого денег не будет. Может, последний раз в жизни мороженое есть будем.

– Да? Тогда я у папы тоже денег попрошу.

Ленка вернулась через минуту, многозначительно звякнула мелочью в кармане, и мы запрыгали вниз по ступенькам. У самого выхода я остановился.

– Подожди. Если денег скоро совсем не будет, может нам тогда еще попросить?

Ленка задумчиво надула губы, кивнула и мы запыхтели вверх по лестнице. Дома ничего не изменилось. Мама всё так же сидела у окна с потерянным взглядом.

– Мам, дай ещё денег!

– Я же тебе дала?

– Мало. Кризис.

Плечи у мамы вздрогнули, она всхлюпнула носом, смахнула набежавшую слезу, насыпала мне горсть мелочи и громко высморкалась. Жалеть её было некогда, я побыстрее выбежал в коридор, а потом на лестницу, чтобы она не успела передумать. Ленка ждала меня у подъезда. Она яростно сосала чупа-чупс и придерживала заметно оттянутый мелочью карман сарафанчика. Ленка мрачно кивнула вглубь двора. Путь в магазин пролегал мимо скамейки, на которой круглосуточно сидели бабульки. Одна из них была Ленкиной бабушкой. Был риск, что дальше скамейки она Ленку не пустит.

– Может через палисадник пролезем?

– Там крапива.

– А если быстро пробежать, вдруг не заметит?

– Заметит.

– А давай тогда у неё тоже денег попросим?

Баба Шура грозно осмотрела нас с ног до головы. Я понял, что нам ничего не светит и уже смирился с этой мыслью окончательно, как вдруг Ленка смело шагнула вперёд.

– Бабуль, мы за мороженым. Дай денег?

– А отец тебе на что?

– Он говорит, что денег нет, и больше их ни у кого не будет.

– Кризис, – на всякий случай добавил я.

– Как был нищевродом, так нищевродом и помрёт! – с этими словами баба Шура отвесила нам три мятые купюры и внушительную горсть мелочи.

Нести деньги было тяжело и неудобно, поэтому нам пришлось взять в долю маленького Виталика, который важно прогуливался у третьего подъезда с игрушечной детской коляской, доставшейся ему в наследство от старшей сестры. Виталику было три года, он любил ковыряться в носу и совсем не понимал для чего нужны деньги. Для чего нужна детская коляска, он, видимо, тоже не имел ни малейшего представления. За остатки Ленкиного чупа-чупса Виталик согласился возить в коляске наши деньги до самого магазина.

По дороге в магазин мы встретили дядю Женю, тётю Таню и ещё десяток незнакомых нам людей, у которых мы на всякий случай тоже спросили денежку на мороженое. К нашему удивлению нам никто не отказал. Больше всего денег нам дал пьяный дядя Толик. Он бормотал: «Всё, всё забирайте, сволочи! Пропади оно пропадом!», и пытался всучить нам в нагрузку три пустые бутылки из-под пива. Мы не знали кто такие сволочи и поэтому бутылки брать не стали.

Магазин был закрыт. Возле дверей магазина стояло несколько толстых тёток, которые что-то яростно обсуждали. «Кризис» – подумали мы и посмотрели на Виталика. Он ковырял в носу сразу двумя руками. Было очевидно, что он в любую минуту может сесть на асфальт и разреветься от усталости. Надо было идти к дальнему перекрёстку, у которого всегда стояла тележка с мороженым. Мы с Ленкой дружно взяли за ручку коляски и покатали её в сторону перекрёстка, стараясь не оглядываться на плетущегося позади нас Виталика.

– Ну и сколько же вам эскимо надо? – грозно прищурилась продавщица мороженого.

– Десять, – еле слышно прошептала Ленка. Я лягнул Ленку ногой.

– Пицот!

– Ну а деньги-то у вас есть? Или будем ждать, когда прилетит волшебник?

Ленка подкатила коляску к тележке и слегка тряхнула. Гора мелочи мелодично прозвела перед глазами ошарашенной продавщицы. Я выгреб из шортиков три горсти мятых купюр и бросил их в коляску.

– Последние. Больше ни у кого нет. Вообще.

– И не будет! – добавила Ленка.

– Кризис, – поддакнул незаметно подошедший сзади Виталик.

– Мать моя женщина! – произнесла непонятную фразу продавщица. Она шумно выдохнула и принялась считать деньги.

Мороженое мы отвезли за гаражи, туда, где стояли турник для больших пацанов и две самодельные скамейки. Мороженое ели неторопливо, почти не разговаривая. Примерно через час Виталик замёрз и обкакался. Пришлось посадить его на другую скамейку, под солнце, и натянуть ему панамку на самые уши, чтоб согрелся. Виталик пустил слюни, завалился на бок и заснул. Меня тожехватило ненадолго.

Когда я проснулся, уже стемнело. Виталика не было. Под его коляской белела большая лужа растаявшего мороженого. Возле скамейки всё было усыпано палочками и обёртками эскимо. Вокруг нас полукругом стояли родители, бабульки во главе с бабой Шурой, дядя Коля, несколько неизвестных мне людей в форме и без неё, и ещё почему-то продавщица мороженого. Мама выглядела напуганной, дядя Серёжа глупо улыбался. Я незаметно пихнул спящую рядом Ленку. Она с трудом открыла слипшиеся от засохшего мороженого глаза, икнула и туманным взглядом обвела стоящую перед нами толпу.

– Ой! Что теперь будет?

– Ничего, – ответил я. – И босый хуй в итоге.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Да. Я влюбился. Это произошло как-то незаметно, само собой. Мы вместе уже два года, но осознал я это только сейчас, когда она поцеловала меня за то, что я подарил ей одуванчик. Мы вместе ходили в садик, сидели за одним обеденным столом, спали на соседних кроватях, да что там говорить, даже наши горшки всегда стояли рядом – её с вишенкой и мой с черепашкой, но только сейчас моё сердце наполнилось неизвестным ранее чувством.

Всю дорогу из садика домой меня переполняло это нечто, бурлящее внутри. Оно кружило мне голову, щекотало и царапало все мои внутренности. Мама заметила, что со мной что-то не так и мне пришлось признаться.

– Наш-то влюбился, – сказала мама отцу после ужина.

– В кого? – отец одновременно читал газету, смотрел новости по телевизору и спал.

– В Настю Никифорову.

– А-аааа... Эта... Ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок!

– Дурак! Ты чего при ребёнке-то говоришь?

Но папа уже спал. А вот я долго ворочался в кроватке и не мог заснуть. Папа у меня умный – он использует много разных непонятных слов и умеет читать телепрограмму, а значит, он знает, что говорит. Мама не отрицала того, что сказал папа и это удручало больше всего. В отсветах уличных фонарей я пытался разглядеть свои сиськи, с замиранием сердца нащупывал в трусиках письку и с облегчением выдыхал, недоумевая, как без всего этого можно жить. Больше всего меня, конечно, смущала жопа с кулачок. Размеры моей задницы легко укладывались в два кулачка, возможно даже больше, но проверить это не представлялось возможным, потому что у меня всего две руки. Завтра надо будет всё проверить и у Насти. Мне захотелось побыстрее проснуться, чтобы начать проверку. На всякий случай я ещё раз зафиксировал у себя наличие сисек, письки, померил кулачками жопу и успокоенный заснул.

С сиськами у Насти было всё в порядке – они у неё были точно такие же, как и у меня. Первый этап проверки был самым простым – я просто помог Насте надеть пижаму во время тихого часа. Второй этап – проверка жопы, был немного более трудным. Нужно было не заснуть, когда все затихнут. Я возился изо всех сил, тарасил глаза, кусал подушку и всё равно чуть не отключился. Настя всегда спала на животе. Я откинул одеяло, задрал ей рубашку пижамы и приложил два кулачка к её заднице. Все сомнения разом отпали: оба моих кулака свободно помещались на её попе. Самый сложный этап – проверку наличия письки, пришлось отложить на следующий день.

После обеда и перед тихим часом нас всегда сажали на горшок. Я мучился целые сутки, не зная, как сказать Насте что мне позарез нужно заглянуть в её трусики. В итоге я просто попросил её задержаться. Наконец-то мы остались вдвоём. Мы сидели рядом на горшках, мне стоило лишь протянуть руку, задрать ей юбку и узнать то, что меня так глубоко волновало. Я боялся обидеть Настю, боялся, что она меня навсегда разлюбит и никогда в жизни не станет моей женой. Время уходило, надо было что-то делать, но я не знал что. Насте надоело сидеть на горшке, и она встала. Её юбочка была длинной и заглянуть под неё не было ни единого шанса. Неожиданно дверь распахнулась и в туалет вошла нянечка.

– А вы тут что делаете? А ну марш отсюда!

– А у Насти таракан под юбкой!

– Где? – изумилась нянечка и мгновенно задрала вверх Настину юбку.

Письки у Насти не было.

– Ну ты и выдумщик, Илюша! Мигом натянули трусы и марш в игровую! Тараканов мне тут выдумывают...

Остаток дня прошёл как в тумане. Папа был абсолютно прав. Возможно, и сиськи у Насти ненастоящие и с жопой наверняка что-то не так. Подмывало расспросить маму, но сначала я решил посоветоваться с пацанами во дворе.

– Это у всех женщин так, – сказал Колька из второго подъезда. Он носил очки и поэтому считался умным.

– Неправда! У моей мамы писька есть!

– А ты её видел?

– Нет, но я точно знаю!

– И у моей есть!

– И у моей!

– А у моей бабушки нет. Она меня в деревне в баню водила. Я сам видел, – грустно выдохнул Лёшка с пятого этажа.

– Это у неё от старости!

– Хочешь сказать, что она и у меня в десять лет отвалится?

Все как-то одновременно замолчали. Никому не хотелось на старости лет писать из попы. Рядом остановился Сергуня из пятого подъезда. Сергуня учился в первом классе и уже умел читать по складам.

– Чё грустим, мелочь пузатая? – Сергуня дружил с большими пацанами и умел красиво выражаться. – Пошли в ножички играть!

Колька коротко объяснил причину грусти.

– Ха! Дурачьё! Это от возраста зависит. Вот у меня..., – Сергуня ощерился. – Все зубы сначала выпали, а потом новые выросли! Так и у Насти вашей скоро новая писька вырастет!

– А у бабушки моей?

– И у неё тоже! У нас в школе половина класса с зубами, а половина – нет. У всех это по-разному происходит, просто у бабушки твоей всё немножко задержалось. Так мы пойдём в ножички играть?

Дома я долго смотрел на мамины сиськи и решил, что и у Насти они раньше были, только я их не замечал, а потом они выпали. Значит скоро новые вырастут, такие же большие, как и у мамы. Я посмотрел на папу и понял, что он имел в виду, когда говорил про жопу с кулачок. Папин кулак был в несколько раз больше моего. Я снова посмотрел на маму и понял, что люблю её больше всего на свете, ведь у неё и с писькой было всё в порядке, и сиськи что надо, и жопа гораздо больше папиных кулаков.

– Мам, а надо только одну девочку всю жизнь любить?

– Нет, можно разных.

– А можно я тогда не Настю, а тебя любить буду?

– Конечно можно, дурачок!

ЯБЛОКИ

В саду у тёти Мани выросли яблоки. Это не я их нашёл, а мой друг Лёшка с пятого этажа. Одна ветка яблони свисала через забор. Вместе с Андрюшкой, младшим братом Лёшки, мы нарвали яблок, разложили их на скамейке за гаражами и приготовились делить поровну, как вдруг появился Кишечник. Кишечнику было лет 9—10 и никто не знал, почему его все так зовут, даже он сам.

Кишечник взял одно наше яблоко, откусил сразу половину, пожевал, сморщился и выплюнул.

– Кислятина.

Яблоки и вправду были мелкие, зелёные и недозрелые. Совсем не такие, которыми пытаешься кормить меня мама, но они были наши, наши собственные, честно украденные у тёти Мани.

– Пошли настоящие яблоки пиздить!

– Это как?

– Вот и узнаете!

Из-за угла вышли друзья Кишечника: толстый Серёга Козлов и Рыжий из соседнего двора. Пиздить яблоки с большими пацанами было почётно, что бы это ни значило. На следующий день в садике можно было бы красиво рисануться, а потом ещё целый месяц издали тыкать пальцем в Кишечника и рассказывать, как мы с ним яблоки пиздили.

Мы знали, что рядом с парком есть большой яблоневый сад, но без родителей мы никогда ещё так далеко не уходили. Кишечник отодвинул одну из досок забора, и мы друг за другом пролезли в образовавшуюся щель. Сад был похож на лес, только из яблоневых деревьев. Яблок было много, и они были вкусные. Большие пацаны ушли куда-то вглубь, а мы нарвали полные запазухи червивой, но потрясающе вкусной китайки и зависли возле куста со смородиной.

– Атас!

От неожиданного крика мы замерли. Большие пацаны вынырнули из кустов с вытаращенными глазами. Серёга ужом юркнул в щель между досок забора. Рыжий полез за ним и застрял из-за того, что под рубашкой у него было много яблок. Кишечник в панике рванул через забор, но зацепился за какой-то гвоздь на самом верху. Из кустов выскочил сторож с доской наперевес, подскочил к Кишечнику и с размаху огрел его по жопе.

– На те сука! На те блядь! – каждый раз приговаривал сторож, взмахивая доской и опуская её на задницу Кишечника.

Наконец, Кишечник свалился за забор, а мы очнулись и рванули через кусты в центр сада. Мы бежали, ломая кусты и ветки, спотыкаясь, падая в крапиву, перепрыгивая через какие-то канавы и в итоге рухнули без сил в копну сухой прошлогодней травы. Радость спасения сменилась беспокойством. Мы не понимали, где находимся и как нам вернуться домой.

– Если сторож нас поймает, то он нас отсюда уже не выпустит.

– Ага. И закормит нас яблоками до смерти, чтобы отомстить! Мне про такое бабушка рассказывала.

Андрюшка перестал грызть яблоко, посмотрел на него, заплакал и забросил огрызок далеко в кусты.

Лёшка уже два раза ездил с родителями за грибами, поэтому хорошо ориентировался в лесу. Он посмотрел на солнце, потом по сторонам и сказал, что если идти всё время прямо, то мы придём прямо в наш двор. Его отец в лесу всегда так делал и каждый раз они выходили к мотоциклу. Мы съели ещё по одному яблоку и пошли домой.

К вечеру мы дошли до забора. Забор был очень высокий. Мы начали стучать по доскам, чтобы узнать, какая из них отодвигается. Через полчаса мы устали и съели по яблоку. Видимо,

сторож прибил отодвигающуюся доску обратно, когда большие пацаны сбежали. Мы пописали на муравейник, сделали из веток мечи и пошли вдоль забора, уничтожая по дороге врагов в виде многочисленных кустов репейника. Ещё через полчаса мы решили, что врагов убито достаточно, чтобы немножко передохнуть.

- А если этот забор никогда не кончится?
- А как же сторож сюда попадает?
- А никак. Он здесь просто живёт.
- А в магазин?
- В магазин он на самолёте летает. Я вчера видел, как сюда самолёт летел.
- Врёшь!
- Сам смотри!

Мы задрали головы. Высоко в небе, оставляя за собой белоснежный след, летел малюсенький серебристый лайнер. Мы грустно вздохнули, опустили глаза и замерли. Перед нами стоял огромный мохнатый пёс с оскаленной мордой. Пёс тяжело дышал. С острых клыков свисала тягучая слюна.

- Волк.
- Волки яблоки не едят. Это собака.
- Зато собаки в лесу не живут.
- Если яблоко съест, значит собака.

Андрюшка протянул псу яблоко. Пёс обнюхал Андрюшку и слизнул яблоко, хотя запросто мог бы вместе с яблоком проглотить и Андрюшку. Мы погладили пса, потрогали его уши и хвост. Андрюшка вытер ему нос платком и подёргал за усы. Пёс ослабил и лизнул Андрюшку в щёку.

- У него ошейник.
- Наверное, это собака сторожа.
- Потерялась, бедненькая.
- Надо её вернуть и тогда он нас на самолёте домой отвезёт!

Всем понравилась моя идея и мы пошли вглубь сада, подталкивая пса в мохнатые бока, когда он не хотел идти или начинал что-то вынюхивать в высокой траве.

На опушке стоял небольшой деревянный дом. На крыльце сидела полная женщина в красном халате и чистила картошку. Увидев нас, она привстала и от ужаса прикрыла рот рукой.

- Вань! Подь сюда!

Из дома вышел недовольный сторож и замер в немом удивлении.

- Господи, как он их не сожрал-то? – женщина перекрестилась.
- Дядя сторож, мы вам вашу собачку привели, – Андрюшка пнул пса под хвост, подталкивая его к крыльцу. Пёс лениво прошёл к своей будке и принялся что-то есть из миски.
- Она у вас яблоки пиздила!
- Вот!

Мы подошли к крыльцу и вывалили из запазух прямо на землю все ворованные яблоки.

- Отвезите нас домой, пожалуйста.

Когда я вручил маме пакет отборных яблок, она равнодушно кинула их в раковину и продолжала мешать что-то в кастрюле.

- Где украл?
- Лёшка с пятого этажа подарил.
- У этого алкаша сроду даже огорода не было! У тёти Мани?
- Лёшка не алкаш.
- Недолго осталось. На отца его посмотри. Где украл, говорю?
- Нам сторож из яблоневого сада просто так дал.

– Это Лёшка тебя врать научил? Не смей с ним дружить! И не вздумай грязными руками есть. Глистов ещё на мою голову не хватало!

Я со спокойной совестью помыл руки и пошёл в свою комнату делать самолётики из папиных газет. Незачем маме знать, что ещё два пакета яблок мы спрятали за гаражами и на следующий день продали их за двадцать копеек тёте Мане.

СМЕРТЬ БАБУШКИ

У меня умирает бабушка. Уже третий день все ходят грустные и не разрешают мне смотреть мультики. Примерно каждый час в нашей квартире хлопают двери, мама встречает каких-то посторонних людей и говорит, что это наши родственники. Родственников у нас почему-то очень много. Они целуют меня вонючими губами, гладят по голове и все как один дают очень долго лежавшую в их кармане конфету. Родственники и их конфеты очень похожи – они одинаково противные. Все конфеты я складываю в карман папиного ватника. В этом ватнике папа ходит в гараж и всегда прихватывает пару моих конфет «на закуску». Конфет от родственников накопилось уже очень много, так что папа теперь долго не будет воровать мои.

Бабушка у меня старенькая. Когда у неё день рождения, мама всегда покупает торт, но никогда не ставит на него свечи, наверное, не знает, сколько их надо ставить. В прошлом году бабушке меняли паспорт. Бабушка достала со дна сундука старый паспорт и тут мы узнали, что день её рождения мы всегда отмечали неправильно – он у неё на два месяца позже и совсем в другой день, и родилась она совсем не в том году, про который думала мама.

После этого папа и его брат дядя Саша сильно напились. Я слышал, как на кухне папа говорил дяде Саше про бабушку, которую он всегда называет или тёщей или старой ведьмой: «Когда брал её к себе, думал, проживёт маленько – и хуй с ней! А она живёт и живёт...»

Хуй по всей видимости был с ней, но это почему-то всех очень беспокоило. Мама была очень уставшая и растерянная. Она кормила меня холодной кашей, заставляла есть мокрый хлеб и запрещала всё на свете.

– Мам, а когда бабушка выйдет из комнаты?

– Никогда!

– Почему?

– Она... Она болеет.

– А что у неё болит?

– Мммм... Голова.

– Это как?

– Кашу доел? Иди в свою комнату, поиграй во что-нибудь!

– Мам, а что такое гроб?

– Где ты это услышал?

– Папа сказал дяде Саше, что он гроб заказал.

– А ещё что он сказал?

– Что они охуели и что за такие деньги лучше он сам этот гроб на мотоцикле на кладбище отвезёт. А что такое кладбище?

– Боже мой... Боже мой... Иди умывайся и марш в кровать!

– Мам, а дядя Саша сказал, что бабушка теперь будет жить на кладбище. Это правда?

Можно я у неё на выходных ночевать буду?

– Нет!

– Почему?

– Бабушка умрёт, её положат в гроб, отвезут на кладбище и закопают в землю! Понял?

– Нет.

– Марш отсюда на улицу! И не смей никуда со двора уходить!

Пацаны во дворе очень озаботились, когда услышали историю про мою бабушку.

– Меня тоже один раз в деревню увозили, только в землю не закапывали. Ничего страшного, через два месяца обратно привезли.

– А меня один раз закопали. В песок. На пляже.

– С головой?

– Нет, голова снаружи. Нормально. Даже интересно.

– А если дождик пойдёт?

– А ты ей зонтик под дверь подсунь. Пусть она его с собой возьмёт, а когда её закапывать будут, пусть раскроет. Тогда и дождик не страшен и панамка не нужна.

Зонтик – это хорошая идея. Я знал, где лежит папин зонт. Он большой, чёрный и с длинной ручкой, то, что надо. Папа никогда его не берёт с собой, поэтому мама сразу и не заметит, что зонта нет. Но лучше, чтобы бабушку никуда не увозили. Она добрая, всегда даёт мне пряники, когда я гулять ухожу, и никогда не заставляет доедать суп.

– А если бабушку вылечить? Её тогда никуда не увезут.

– Моя мама говорит, что если я порежу пальчик, то надо на него пописать и тогда всё пройдёт.

– К нам родственники каждый день ходят. Они закрываются в бабушкиной комнате ненадолго, а потом выходят. Я думаю, они на неё там писают. Наверное, папа с мамой уже не могут, поэтому и позвали всех на помощь.

– А моя мама говорит, что, если я разобью коленку, надо взять листик подорожника, плюнуть на него и приложить к ранке. Тогда тоже всё очень быстро заживёт.

– У бабушки голова болит. Одного листика мало будет.

До самого вечера мы ходили вокруг дома и искали подорожник. Мы набрали довольно большую кучу и сложили её возле скамейки в пластиковый пакет. Андрюшка притащил пару лопухов. Когда мы ему попытались объяснить, что это не гигантский подорожник, а просто лопухи, он решил, что мы его из зависти обманываем и расплакался. Тогда мы просто выкинули эти лопухи в канаву. Потом Колька наступил на свежую собачью какашку. Пришлось лезть в канаву и доставать лопухи, чтобы оттереть его сандалии.

Мы вывалили листья подорожника на землю и сели вокруг. Мы старательно плевали на каждый листик подорожника и складывали оплёванные листья обратно в пакет. Слюна очень быстро у всех закончилась, а листьев было ещё много. Мы немножко подождали, но слюна больше не появилась. Тогда Колька предложил сложить все листья обратно в пакет и пописать на них. Мы выдавили из себя по струйке, перемешали листья палочкой и решили, что теперь бабушка точно выздоровеет.

Ночью я достал из шкафа приготовленные заранее пакет с подорожником, зонтик и с маленьким фонариком отправился в комнату к бабушке. Я ещё не решил, как буду действовать. Было бы лучше всего надеть пакет ей на голову. Однако, я не был уверен, что справлюсь с этим, поэтому решил в случае чего просто высыпать на её лицо листья подорожника.

Я осторожно приоткрыл дверь и вошел в бабушкину комнату. В комнате пахло как в туалете, видимо наши родственники ссали не только на бабушкину кровать, но и по углам. Я подошёл к бабушкиной кровати и включил фонарик.

Бабушки на кровати не было.

Опоздал. В голове вихрем пронеслись разные мысли. Пока мы с пацанами собирали подорожник, папа втихаря отвёз бабушку на кладбище, а я ей даже зонтик не передал! Я тихонько заплакал от досады, обернулся и закричал от ужаса: передо мной стояла бабушка. Бледная от болезни, в белой ночной рубашке, с всклокоченными седыми волосами она улыбалась мне беззубым ртом и что-то тихо говорила.

Когда в комнату заглянули папа с мамой, я перестал кричать и бегом бросился из комнаты. Я с головой укрылся одеялом и плакал, пока не заснул. Я, конечно, очень рад был, что подорожник так быстро подействовал на бабушку, просто я очень испугался.

Бабушка потом выздоровела и стала обычной бабушкой. А родственники к нам больше никогда не приходили. Наверное, у них конфеты кончились, а может быть им писать больше не хотелось.

ПОДЛЯЯ КАКАШКА

Даже не знаю, как сказать. В общем, я обкакался. Я догадываюсь, о чём вы сейчас подумали, но очень прошу войти в моё положение. Всё было как обычно: садик, солнечный день, мама. Через десять минут после того, как мы ушли из садика я пукнул и понял, что ровно через минуту я обосрюсь.

Мы стояли на перекрёстке в ожидании зелёного сигнала светофора. До садика было далеко, до дома ещё дальше. Пара жиденьких деревьев на городской площади совсем не были похожи на достойный туалет. Я сделал вид что мне надо поправить застёжку на сандалке, присел и упёрся пяткой в попу. Выглянувшая было из попы какашка снова спряталась как минимум ещё на одну минуту, и это внушало определённые надежды.

За перекрёстком мама увидела очередь в магазин и заторопилась туда. Пока мы стояли в очереди, я давил какашку пятками, о поребрик, об дерево, кулаками, и успешно справлялся с ней до того момента как мы подошли к прилавку.

– Вам повезло. Последняя, – продавец бухнул что-то на прилавок. Мне стало интересно, что же там покупает мама и я подпрыгнул, чтобы увидеть. Какашка этого только и ждала.

– Беру! Господи, кошелёк-то где?

– Мама, я обкакался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.